

2. Bourdieu P. Dinstinction: A Social Critique of the Judgement of Taste // Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / D. Grusky (ed.). Boulder: Westview Press, 1994. P. 404–429.
3. Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М., 2004.
4. Аргылов Н.А., Охлопкова У.В. Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен // Меди@льманах. 2022. №6 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-formirovaniya-i-razvitiya-regionalnogo-kino-v-rossii-yakutskiy-fenomen> (дата обращения: 12.05.2025).
5. Роговая А.В. Региональный кинематограф и его значение в формировании этнической идентичности // Вопросы управления. 2025. Т. 19, №2. С. 86–97.
6. Левченко Н.В., Роговая А.В. Особенности кинематографа российских регионов: конструирование социальных смыслов // Артикульт. 2023. №4 (52). С. 72–86.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
8. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
9. ДиМаджио П. Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 35–56.
10. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. №4. С. 31–50.
11. Becker G. S. Human Capital. New York: Columbia University Press, 1964.
12. Украинский В.Н., Чимитдоржиев Ж.Ж. Анри Лефевр и полиморфность социального пространства // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 61–72.

А.Л. Гусейнова,
Российский государственный гуманитарный университет

ТИПОЛОГИЯ САМООРГАНИЗОВАННОГО ДОСУГА МОЛОДЕЖИ В МЕГАПОЛИСЕ: ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА И ЭМПИРИЧЕСКОЙ ВЕРИФИКАЦИИ

Городская среда представляет собой гетерогенное пространство, в котором молодежь формирует неформальные досуговые инициативы. Финансовые ограничения, избыток времени и творческий потенциал стимулируют возникновение коллективных практик. Отсутствие четкой терминологии затрудняет их системное изучение. В статье предлагается подход к операционализации понятия «самоорганизованные досуговые практики» для эмпирических исследований.

Ключевые слова: самоорганизация, досуговые практики, городская молодежь, неформальные сообщества, концептуализация, урбанистическая социология, коллективное действие, гетерогенность.

TYPOLOGY OF SELF-ORGANIZED LEISURE PRACTICES OF URBAN YOUTH IN THE METROPOLIS: CHALLENGES OF THE CONCEPTUAL APPARATUS AND EMPIRICAL VERIFICATION

The urban environment is a heterogeneous space where youth develop informal leisure initiatives. Financial constraints, free time, and creative potential stimulate collective practices. Lack of clear terminology impedes systematic study. The article proposes operationalization of «self-organized leisure practices» for empirical research.

Keywords: self-organization, leisure practices, urban youth, informal communities, conceptualization, urban sociology, collective action, heterogeneity.

Современный мегаполис представляет собой сложную гетерогенную среду, где пересекаются различные культуры, социальные стратегии и жизненные уклады [1]. В этом пространстве молодежь выступает активным агентом трансформации городской жизни, формируя альтернативные формы социальности и досуга. Досуговые практики молодых горожан, складывающиеся под влиянием многообразия контактов, внешних трендов и цифровых коммуникаций, и часто принимают форму самоорганизованных коллективных инициатив.

Феномен самоорганизации в сфере досуга обусловлен специфическими условиями, свойственными жизни молодежи: ограниченными финансовыми ресурсами, профицитом свободного времени и высоким творческим потенциалом [2]. Именно эти факторы стимулируют возникновение неформальных объединений – от книжных клубов и поэтических вечеров до уличных спортивных сообществ и творческих мастерских. Такие практики воспроизводятся вне традиционных институциональных рамок, без участия государства, бизнеса или формальных организаций, что делает их принципиально отличным объектом социологического анализа.

Однако кажущаяся прозрачность феномена оборачивается методологической сложностью. Сам феномен находится на пересечении нескольких дисциплинарных традиций – социологии досуга, урбанистики, молодежных исследований и теории практик, – каждая из которых рассматривает его под специфическим углом [3]. В англоязычной литературе для описания схожих явлений используется спектр терминов: self-organized leisure, grassroots leisure, DIY-culture communities, vernacular creativity. Терминологическая полисемия отражает более проблему отсутствия парадигмального консенсуса. Как отмечает Т. Шатцки, концептуальная неопределенность превращает исследовательское поле неформальных практик в теоретический лабиринт [3]. Исследования последних десятилетий внесли вклад в эмпирическое изучение как самих неформальных сообществ, так и их социальных практик, однако теоретическая рамка для анализа самоорганизованных досуговых практик остается недостаточно проработанной.

Городская гетерогенность, описанная Л. Виртом как «плави́льный котел рас, народов и культур» [1], создает уникальные условия для возникновения новых форм коллективности. Молодежь, обладающая высокой мобильностью и адаптивностью, активно осваивает городское пространство, превращая его в площадку для экспериментов с социальными форматами. Досуговые практики в этом контексте становятся не просто способом проведения свободного вре-

мени, но механизмом конструирования идентичности, формирования социальных связей и освоения культурных кодов.

Важно подчеркнуть, что самоорганизованные практики характеризуются рядом конститутивных признаков. Во-первых, *коллективность*: деятельность осуществляется группой лиц, разделяющих общие интересы и ценности. Во-вторых, *добровольность* участия: отсутствие формального принуждения и возможность свободного входа и выхода из сообщества. В-третьих, *автономность*: координация и управление практикой осуществляются самими участниками без доминирующего влияния внешних институтов. В-четвертых, *досуговый характер*: деятельность направлена на удовлетворение нематериальных потребностей – рекреации, творческой самореализации, социализации.

Эмпирическая идентификация таких практик требует разработки четких операциональных критериев. Предлагается использовать простой check-list: наличие регулярного коллективного взаимодействия; добровольность участия без санкций за выход; горизонтальное управление через обсуждение; осуществление деятельности в свободное время; направленность на нематериальные цели. Полное соответствие совокупности из пяти операциональных критериев выступает достаточным основанием для отнесения наблюдаемого феномена к категории самоорганизованных досуговых практик. Частичное совпадение (3–4 индикатора) свидетельствует о периферийном или гибридном статусе объекта, что требует дополнительной верификации и уточнения типологической принадлежности посредством методов качественного анализа.

Типологическое разнообразие самоорганизованных досуговых практик может структурироваться по нескольким осям. По доминирующей функции выделяются рекреационные практики (восстановление сил, релаксация), творческие (самовыражение, создание артефактов), интеллектуальные (обучение, обмен знаниями) и социально-поддерживающие (выстраивание связей, взаимопомощь). По степени институционализации различаются спонтанные практики с нерегулярными встречами, регулярные с устойчивым расписанием и структурированные с четкими ролями.

Пространственная локализация также оказывается значимым измерением. Офлайн-локализованные практики опираются на физическое пространство и face-to-face интеракции. Гибридные используют онлайн-координацию для организации, но основная активность происходит в физическом пространстве. Онлайн-доминантные практики реализуют основную деятельность в виртуальном пространстве. Тренд, зафиксированный во время пандемии, показывает массовый переход в гибридный формат с сохранением этой модели в постпандемический период.

Социально-демографический профиль участников оказывается релевантным для изучения механизмов воспроизводства неравенства. Молодежь концентрируется в стрит-культуре и игровых сообществах, обладая средним культурным капиталом и высокой цифровой грамотностью. Локальные территориальные сообщества формируют дворовые практики, где общность по месту жительства оказывается важнее классовой принадлежности.

Анализ существующих теоретических традиций выявляет их парциальный характер при изучении самоорганизованных досуговых практик. Теория рационального выбора (М. Олсон, Э. Остром) эффективно объясняет механизмы координации и мотивации участия, однако редуцирует сложную мотивационную структуру к инструментальной рациональности, элиминируя аффективные и идентификационные основания действия [3]. Сетевой подход (М. Кастельс)

точно описывает морфологию горизонтальных связей и роль цифровых технологий, но часто упускает содержательное измерение совместной деятельности. Теория практик (П. Бурдье, Т. Шатцки) позволяет увидеть материальность и воспроизводимость досуговых паттернов, но испытывает трудности с концептуализацией инновации и возникновения новых форм.

Интегративный подход, предложенный в данной статье, синтезирует продуктивные элементы перечисленных парадигм, акцентируя четыре конститутивных признака феномена: коллективность, добровольность, автономность и досуговый характер. Такая рамка позволяет преодолеть дисциплинарную фрагментацию и предложить операциональное определение, применимое для эмпирической верификации.

Выводы:

1. Самоорганизованные досуговые практики городской молодежи представляют собой значимый объект социологического анализа, находящийся на пересечении урбанистики, социологии досуга и молодежных исследований. Их изучение требует преодоления терминологической неопределенности и разработки интегративной теоретической рамки.

2. Предложенное операциональное определение, основанное на четырех конститутивных признаках (коллективность, добровольность, автономность, досуговый характер), позволяет эмпирически идентифицировать данные практики и отличать их от смежных феноменов – формальных досуговых институтов, политического активизма, коммерческих развлекательных сервисов.

3. Многомерная типология, учитывающая функциональную направленность, степень институционализации, пространственную локализацию и социально-демографический профиль участников, структурирует эмпирическое многообразие практик и создает основу для сравнительных исследований.

4. Дальнейшее исследование самоорганизованных досуговых практик имеет потенциал для развития проблематики социальной структуры, альтернативных институтов социализации и трансформации коллективного действия в условиях цифровизации и индивидуализации.

Список литературы:

1. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Вирт Л. Избранное: урбанизм и социальная теория. М.: РОССПЭН, 2018. С. 45–78.
2. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. 264 с.
3. Schatzki T.R. Social Change in a Material World. London: Routledge, 2019. 198 p.

С.В. Егорова, Самарский университет

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О ПОЖИЛЫХ ЛЮДЯХ: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена анализу социальных представлений молодежи о пожилых людях. На основе качественных данных двух фокус-групп с участием молодых людей в возрасте 18–21 года реконструируются основные понятия, описывающие старость: дистанцированность, амбивалентность, ресурсная угроза, патернализм и доброжелательный эйджизм. Выявлено, что